

Дарья Беспаленко

**БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЕВА
«БОГОМОЛЬЕ»**

В последние два десятилетия особенно ошутим интерес литературоведов к творчеству И. С. Шмелёва. Очевидно, что внимание ученых к наследию писателя обусловлено тем, что его произведения проникнуты христианским мировидением, обозначаемым И. С. Шмелёвым как «купель русской литературы». В связи с этим, повести и романы И. С. Шмелёва пронизаны библейскими мотивами. Мысли и поступки персонажей обусловлены их православным вероисповеданием. Наиболее ярким проявлением творческой индивидуальности писателя стала диалогия: «Лето Господне» и «Богомолье». Существует значимое количество серьезных исследований, статей и рецензий о творчестве и личности И. С. Шмелёва. Среди них диссертационные работы и монографии таких авторов, как О. Н. Сорокина, А. П. Черников, М. М. Дунаев, А. М. Любомудров, Д. В. Макаров, М. Ю. Труби-

цина, И. А. Есаулов, Е. А. Осьминина, Т. А. Таянова, Т. С. Репина и др. Вместе с тем, ранние произведения писателя исследованы недостаточно, особенно с точки зрения мотивного анализа. Именно поэтому «Богомолье» представляет для нас особый интерес. Более того, выводы исследователей не исчерпывают всей специфики раннего творчества писателя, в частности, рассмотрение ряда мотивов в их взаимообусловленности, степени повторяемости, влияния на лирико-философский смысл текста. В раскрытии и анализе указанных аспектов и заключается **актуальность** данного исследования.

Объектом изучения в данной статье является повесть И. С. Шмелёва «Богомолье».

Предметом исследования — система библейских мотивов. Акцент сделан на рассмотрении мотива просветленности духа и его взаимосвязи с другими мотивами, такими, как мотив пути, света, радости, воскресения и др.

В «Богомолье» воссоздана естественная вера человека, определяющая его интуитивную, чувственную сущность. Богомолье выражает само естество России - и пространственное, и духовное... «Богомолье! - отмечал И. А. Ильин. - Вот чудесное слово для обозначения русского духа...» [3, 154].

Жизнь в повести, её движение, переданы через ощущения мальчика. Позже писатель отметит: ««Богомолье» меня лечило. **Я** низал и низал тропки-строки, я сказку бывшего себе сказывал, мурлыкал - вымурлыкал себе». «Богомолье» близко по жанру древнерусским хождениям. Двенадцать глав повести скреплены уже событийной ситуацией — богомольем, паломничеством из Замоскворечья в Троице-Сергиеву Лавру, которую называют сердцем православной России, святыней. Идея богомолья воспринимается в тексте как путь к Богу, как очищение и уход от мирской суеты. Паломничество в Троице-Сергиеву Лавру - не только путь к Богу, но ещё и путь к просветлению, просветлению души. Этот основной мотив выражен в словах главного персонажа Вани: «Мы - на святой дороге, и теперь мы другие, богомольцы» [10, 65]. Таким образом, в идее паломничества соединяются два основных мотива произведения - мотив просветленности духа и мотив пути, пути к спасению (воскрешению). Просветленность духа в данном контексте воспринимается как осознанное единение с Богом, как приятие и следование православным законам. «Самое душевное это дело, на богомолье сходить» [10, 32]. Следует заметить, что движение к просветленности зачастую становится синонимично понятию духовного странничества. Как пишет Н. В. Лауэ своей статье «Мотив «духовного странничества» и образы «нищих духом» в художественных произведениях И. С. Шмелёва»: «Опыт «духовного странничества» - высшая ступень христианского совершенствования. Это внутреннее движение человека на его пути к Богу» [4, 293]. «Странники» И. С. Шмелёва воспринимают ближнего сквозь призму Божией любви. Весь их путь освящен Светом Разума и чувства. Первоосновой ценностного осмысления богомольной дороги становится соприкосновение персонажей с православными ориентирами родного, лично-освоенного московского пространства, которое предстает в произведении в своей детально прописанной топографии - от часовни Николая

Чудотворца у Каменного моста, «утреннего храма Спасителя», Иверской часовни до «душевных» соборов Кремля, изображение которых передает объединяющее героев вхождение в духовный мир древности. По мере разворачивания хронотопа пути, в динамике дорожных встреч с иными богомольцами - «рязанскими», «смоленскими», «тамбовскими» - мотив расширяется, способствует эпичности повествования. Оппозиция своё-чужое, которая «пронизывает всю культуру и является одним из главных компонентов национального мироощущения» [6, 13], стирается, остается только общее «мы». Всех окружающих людей Ваня считает родными: «И люди ласковые такие...родные» [10, 97].

Мотив пути оказывается связанным не просто с паломничеством к Троицко-Сергиевой Лавре, он оказывается путем к духовному очищению и единению: «Все мы рады, словно родные встретились» [10, 101]. Возникает идея всечеловеческого объединения. Не зря ещё искони на Руси богомолье было началом просвещения и духовного очищения. Не только потому, что древние православные монастыри были живыми очагами праведности и образованности; но и потому, что русский человек, уходя к святым местам через леса и степи, «уходил» ко святым местам своего личного духа, освобождаясь от страстей и пустоты внутреннего мира. Такая смысловая наполненность паломничества по святым местам связывает мотивы просветленности духа, воскрешения, единения и пути в единую систему. Н. С. Гребенщикова в своей статье ««Спасение души» как концепт русской ментальности» пишет: «В системе ценностей восточных славян спасение души занимало одно из первых мест. Спасать душу, спастись уходили от мирской жизни в монастыри. В русском фольклоре хорошо прослеживается ассоциативная связь «монастырь - спасение», а сам путь в монастырь именуется - спасенный путь» [1, 386]. Персонажи повести напрямую связывают «спасение» с «монастырем»: «спастись в монахи», «спастись в монастырь»: Антипушка ... ласково говорит Феде: ... Видать, так уж тебе назначено, в монахи спастись, за нас Богу молиться [10, 49]; Горкин так рассказывает о посещении монастыря: «... Пошли к Черниговской, неподалечку, старец там проживал - спасался» [10, 64]. Между тем и сам писатель, и его персонажи, более глубоко вникающие в истинный смысл православия, считают, что спасение души обычного, земного человека возможно и за пределами монастыря, в миру. Об этом говорит отец Варнава, не одобрявший стремления Феде уйти в монастырь: «В миру хорошие-то нужней!» [10, 91].

В «Богомолье» мотив спасения (воскрешения) представлен иначе, чем в «Лете Господнем»: спасение становится понятием более реальным, происходящем «здесь и сейчас» в виде богомолья. Проследившая путь богомольцев в Троице-Сергиеву Лавру, И. С. Шмелёв постоянно напоминает, что возвышенное, духовно значимое в жизни человека сосуществует с повседневным, земным бытом. В повести тесно переплетаются между собой мотивы просветленности духа, пути, радости, воскресения и противопоставления земного и небесного. И. Б. Ничипоров пишет по этому поводу: «В начальных главах повести через приготовления Горкина, в интуитивных предчувствиях рассказчика намечается аксиологически

окрашенная категория пути «к Преподобному», сосредоточившая в себе предощущение радостного обновления души («что-то во мне поет») через одухотворенное трудничество и возведение земного к горнему: «Где-то далеко-далеко - Угодник, который теперь нас ждет» [7, 19]. Символами духовного единения становится пение Псалмов («Хорошо поют где-то, церковное»), чтение молитв («В зеленоватом свете от лампадки я вижу Горкина: он стоит на коленях, в розовой рубахе, и молится»). Интерес И. С. Шмелёва к текстам Священного Писания, литургическим источникам обуславливается не только православной проблематикой большинства произведений, но и личной потребностью автора. Этим определяется и близость его повести к лирической стихии Псалтыря. И. Б. Ничипоров пишет, что «Венцом аксиологии паломнического и шире - жизненного пути, народной судьбы становится в повести опора на древний духовный опыт, дважды воплотившийся здесь в реминисцентном присутствии молитвенного воззвания из 118 псалма, которое звучит в соборном пении героев как по пути «к Троице», так и в финале, после прощального поклона лаврской обители» [7,21]. Притчевая глубина и одновременно мощный заряд повествования о богомольном пути сопряжены у И. С. Шмелёва с раскрытием мудрой диалектики между переживаемыми душой искушениями и ее покаянными устремлениями. Поучительными нравственными уроками становятся для юного повествователя милосердие Горкина к убогим странникам («От горя не отворачивайся... грех это!»), и эпизод покаяния Горкина в давнем грехе - невольной вине в гибели молодого плотника - покаяние, ознаменовавшее в глазах Вани чудесное восстановление духовных ориентиров просветляющего паломнического пути. Как отмечает Т. И. Петракова «Богомолье» пронизано духовным авторитетом старцев. Горкин - «живой», живущий святой. Он «мудрователь», «правильный, веру держит», соблюдает «благолепие» [8, 111]. Очевидна, с точки зрения И. С. Шмелёва, тяга русского человека к традиции. На богомолье, в монастырь «идут на радость», «святостью подышать». В Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, куда устремляются герои повести, под действием невидимых сил, благодати, их душа преображается. Здесь, в буквальном смысле, Небо соединяется с землёй: «сено тут преподобное», «небо над Лаврой - святое, голубое». Святое паломничество дает человеку «сердечную» радость бытия («Так отдохнул.. давно так не отдыхал, как здесь», «Вот мы и помолились, привел Господь... благодатисподобились») [10, 107].

Так И. С. Шмелёв создает новую художественную реальность - идеальный мир человеческих отношений. Проекция этого мира обращена не только в прошлое, но и в будущее, точнее в будущее - вечное. Повесть наполнена звуком, цветом, светом, запахом. Слияние первозданного, природного и церковного утверждает идею естественности христианской веры. Символы креста, иконы, воды, просфоры - атрибутов церковного действия, а также мотивы пути, чуда, радости. Сфера ирреального и сказочного - наполняет художественное пространство повести. Образы медведя и соловья способствуют пониманию пантеизма писателя. Жизнь ребенка сливается с жизнью природы, которая сотворена Богом. Всё, что существует в природе, содержит в себе Бога, и следовательно, является святым.

Свидетельствуют об этом впечатления самого Вани: «Речка кажется мне святой. И кругом все - святое»; «Я нюхаю цветочки - священным пахнут»; «Такой он ласковый старичок, так он весь светится - словно уж он святой»; «И образа, образа, образа - такое небесное сиянье! - на всякого Святого. И все, что ни вижу я, кажется мне святым» [10; 45, 67, 121, 84].

Мотив святости тесно связан со сквозным, всепроникающим мотивом радости. Радость излучает как Ваня, так и окружающий его мир: «Воздух пахнет как будто радостью»; «Я изгибаю голову, слежу за скользящим светом... вижу из щели небо, голубую его полоску между стеной и домом... и меня заливают радостью»; «Небо над Лаврой - святое, голубое. Носятся в нем стрижи, взвизгивают от радости» [10; 24, 51, 89]. Мотив радости сопутствует мотиву просветленности духа и неразрывно связан с ним. Радость от Благой Вести и радость служения Богу нередко рассматривались как основная черта христианства. В письме Галатам апостол Павел говорит о радости как о плоде духа Бога (Гл 5:22). Вместе с тем, заметим, что радость, как один из основных атрибутов божественного и религиозного чувства, рассматривается учеными с различных точек зрения. Так, Спиноза считал, что на высшей ступени познания, познания себя в Боге, происходит осознание Бога как причины радости. Наполняющее внутренний мир паломников чувство радости и предвкушение духовного преображения («все другое, не как в миру») предстает в единстве сугубо индивидуального восприятия, что передается в просветленной золотистой, розовой, голубой цветовой гамме, лирически трансформирующей картину мира. Важно отметить, что в тексте в ряде описаний преобладает розовый цвет: «старичок в розовой рубахе», «Москва-река в розовом туманце», «стоит над борами колокольня, как розовая свеча пасхальная». Розовый цвет обычно ассоциируется с цветом духовной радости. С точки зрения религии, розовый цвет - символ радости и счастья. Используется во время Великого поста, на третьем воскресенья Адвента. Традиционно, этому дню соответствует розовая свеча в рождественском венке. Ведущим цветом в творчестве писателя после 1920 года становится розовый. Об этом пишет Е. Г. Руднева в статье «Розовый цвет в «Богомолье» И. С. Шмелёва» [9, 21]. Кроме розового, исследователь называет еще пять цветов (голубой, зеленый, желтый, синий, черный) и соотносит их с иконописной традицией в православном восприятии писателя. Цветовые компоненты окрашивают предметы «бытового фона» (одежда, здания) и религиозного культа. Возникает мысль об особом мире ребенка, который все «видит в розовом свете», и это восторженное восприятие связано с ожиданием чудесных событий, которые сопряжены с делами и заботами повседневности. Золотой и розовый цвета, ассоциативно отсылающие к образам солнца и зари, выступают символами «обновленной России и святого места - Троице-Сергиевой Лавры». Символика всепроникающего лаврского света открывает в шмелевской повести вселенскую беспредельность Господнего мира, мистическую связь человеческих душ в молитвенном богообщении.

Как видим, в повесть «Богомолье» включены разнообразные библейские мотивы, которые переплетаются между собой и образуют смысловую систему. Православная культура становится для И. С. Шмелёва суммой вечных идей,

имеющей вневременной и вселенский смысл. Образы И. С. Шмелёва ведут от страдания через очищение к духовной радости. В этом заключается духовный путь персонажей повести «Богомолье» и значимость вечных сюжетных мотивов.

Литература

1. Гребенщикова Н. С. «Спасение души» как концепт русской ментальности / Н. С. Гребенщикова // И. С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века. XIV Крымские международные Шмелевские чтения: Сборник материалов международной научной конференции (Алушта, 14-17 сентября 2005 года) [под ред. кандид. филолог. наук В. П. Цыганника]. - Симферополь: ООО «Форма», 2007. - С. 384-390.
2. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. - Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1995.
3. Ильин И. А. Творчество Шмелева / И. А. Ильин. - Париж, 1943. - 240 с.
4. Лау Н. В. Мотив «духовного странничества» и образы «нищих духом» в художественных произведениях И. С. Шмелева / Н. В. Лау // И. С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века. XIV Крымские международные Шмелевские чтения: Сборник материалов международной научной конференции (Алушта, 14-17 сентября 2005 года) [под ред. кандид. филолог. наук В. П. Цыганника]. - Симферополь: ООО «Форма», 2007. - С. 288-300.
5. Малый православный словарь / Н. С. Мовлева. - М.: Рус. яз. - Медиа, 2005. - 527 с.
6. Мусий В. Б. Образ «своего», «иноного», «чужого» в русской прозе первой половины XIX века: монография / В. Б. Мусий. - Одесса: Астропринт, 2011. - 168 с.
7. Ничипоров И. Б. «Богомолье» И. С. Шмелева / И. Б. Ничипоров // К единству! Журнал Международного Фонда единства православных народов. - 2001. - № 5. - С. 19-21.
8. Петракова Т. И. «Чующие святое сердцем...» Педагогические аспекты темы старчества в «Богомолье» И. С. Шмелева / Т. И. Петракова // И. С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века. XIV Крымские международные Шмелевские чтения: Сборник материалов международной научной конференции (Алушта, 14-17 сентября 2005 года) [под ред. кандид. филолог. наук В. П. Цыганника]. - Симферополь: ООО «Форма», 2007. - С. 109-115.
9. Руднева Е. Г. Розовый цвет в «Богомолье» И. С. Шмелева / Е. Г. Руднева // И. С. Шмелёв в контексте славянской культуры: Сб. ст. - Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. - С. 19-24.
10. Шмелёв И. С. Богомолье / И. С. Шмелёв. - М.: Скрипторий, 2003. - 136 с.